

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-6>

УДК 330.322:338.23:339.924

JEL F15, F21

Е. В. Сапир ^{а)}, И. А. Карачев ^{б)} ^{а, б)} Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Перспективы расширения интеграционного сотрудничества России и Китая на базе специальных экономических зон¹

Аннотация. В современных условиях формирования глобальной полицентричности проблематика российско-китайского интеграционного экономического сотрудничества становится актуальной. Цель исследования – определить направления торгово-экономического российско-китайского сотрудничества и потенциал использования действующих в обеих странах специальных зон с позиции перспектив создания общей зоны свободной торговли. Гипотеза исследования состоит в том, что современное состояние экономического сотрудничества России и Китая, с одной стороны, создает предпосылки углубления интеграционного взаимодействия и способствует его дальнейшему развитию, а с другой – сопряжено с определенными ограничениями и барьерами. Исследование было выполнено с использованием данных и методов статистического анализа. Проведена оценка уровня торгово-экономических связей России и Китая с точки зрения создания зоны свободной торговли; рассчитаны индексы проникновения импорта, интенсивности торговли, торговой энтропии по экспорту и импорту. Исследование показало, что между Россией и Китаем постепенно начинают складываться предпосылки более тесного сотрудничества (значение обобщенного индекса интеграции за период 2000 – 2023 гг. увеличилось на 43 процентных пункта), однако существующая дифференциация и асимметрия в торговом (Россия экспортирует в Китай сырьевые товары – 77 %, а Китай – промышленные товары – 94 %) и инвестиционном развитии (отличаются масштабы зональной политики стран: число специальных зон в Китае в 14 раз превышает их число в России) препятствует переходу от формата российско-китайского торгово-экономического сотрудничества к формату полноценной экономической интеграции. Способствовать созданию условий для реализации дальнейшей взаимовыгодной интеграции могло бы согласование национальных политик по организации специальных зон на базе глобальных цепочек стоимости, что позволило бы содействовать формированию в перспективе российско-китайской зоны свободной торговли. Результаты исследования могут быть использованы государственными органами России и КНР при выработке перспективных направлений развития специальных зон, а также при обсуждении вопросов целесообразности углубления интеграционного экономического взаимодействия стран.

Ключевые слова: специальная экономическая зона, международная интеграция, глобальные цепочки стоимости, геоэкономическое партнерство, геополитическое влияние, институциональное развитие, индексы торговой интеграции

Для цитирования: Сапир, Е.В., Карачев, И.А. (2025). Перспективы расширения интеграционного сотрудничества России и Китая на базе специальных экономических зон. *Экономика региона*, 21(3), 655-671. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-6>

¹ © Сапир Е. В., Карачев И. А. Текст. 2025.

Elena V. Sapir ^{a)}, Igor A. Karachev ^{b)}^{a, b)} P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Expanding Russia-China Economic Integration Cooperation through Special Economic Zones

Abstract. In the context of a polycentric global economy, the issue of economic integration between Russia and China gains increasing relevance. This study aims to identify key areas of trade and economic cooperation between the two countries and assess the potential role of special economic zones (SEZs) in the creation of a future Russia-China free trade zone. The central hypothesis suggests that while current economic cooperation lays important groundwork for deeper integration, it also faces significant limitations and barriers. Using statistical analysis, the study evaluates the level of trade and economic ties between Russia and China through indicators such as import penetration, trade intensity, and trade entropy for both exports and imports. Results indicate that integrative cooperation is gradually strengthening: the generalized integration index increased by 43 percentage points between 2000 and 2023. However, marked asymmetries remain—Russia exports 77 % raw materials to China, while China exports 94 % industrial goods to Russia. Additionally, differences in investment and industrial development are evident: China has 14 times more special economic zones than Russia. These disparities hinder progress from trade cooperation toward full economic integration. Coordination of national policies on SEZ development, especially through reliance on global value chains, could support deeper integration and pave the way for a Russia-China free trade zone. The findings offer valuable insights for policymakers in both countries to guide the development of SEZs and support discussions on expanding economic integration.

Keywords: special economic zone, international integration, global value chains, geo-economic partnership, geopolitical influence, institutional development, trade integration indices

For citation: Sapir, E.V., & Karachev, I.A. (2025). Expanding Russia-China Economic Integration Cooperation through Special Economic Zones. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(3), 655-671. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-6>

Введение: постановка проблемы

Активная регионализация мирового экономического пространства, ребалансировка глобальных хозяйственных связей, перенаправление торговых и капитальных потоков, особенно ускорившиеся в последние несколько лет, ставят на повестку дня вопрос о новых основаниях, мотивах и формах тесного экономического сотрудничества стран, реализующих стратегии широкого и многомерного партнерства в самых разных сферах экономики и политики. Возникает необходимость и возможность встраивать в традиционные экономические процессы новые эффективные инструменты развития. Проблема особенно актуальна для крупных многоотраслевых высокодифференцированных экономик, к числу которых относятся Россия и Китай. Бурный рост экономического сотрудничества стран в числе обсуждаемых теоретических возможностей ставит вопрос об интеграционных возможностях взаимного партнерства. Вопрос, безусловно, сложный, не допускающий поспешности, связанный на комплекс национальных интересов каждой страны в их сочетании с едиными общими интересами обеих, который нельзя ни в коем случае искусственно форсировать,

так же как нежелательно и упускать связанные с ним потенциальные выгоды для обеих стран. В рамках данной дискуссии представляет научный интерес анализ функционирования специальных экономических зон (далее — СЭЗ) как локальных хозяйственных структур, способных внести существенный вклад в создание базы китайско-российской экономической интеграции хотя бы на некотором начальном этапе.

Создание зоны свободной торговли (далее — ЗСТ) в теоретическом плане рассматривается как один из начальных этапов международной экономической интеграции (далее — МЭИ) — процесса либерализации торговли между странами (Tinbergen, 1965), а именно полного устранения искусственных барьеров на пути свободного движения основных факторов производства в мире, выравнивания цен на них (Balassa, 1961). Благодаря МЭИ различные экономические сектора и области в мире и в пределах определенных регионов все больше интегрируются и приобретают свойства единой экономической системы.

Сопоставление теории МЭИ и концепции СЭЗ позволяет обнаружить, с одной стороны, содержательное расхождение между категори-

ями ЗСТ (первичный этап МЭИ) и СЭЗ по ряду аспектов (пространственному¹, кооперационному² и интеграционному³), а с другой — существование тесной имманентной связи между ними. СЭЗ, обеспечивая в регионах своего расположения углубление внешнеэкономических связей, создает предпосылки процесса МЭИ. Аналогичным образом, МЭИ выступает формой развития и эволюционной движущей силой для СЭЗ.

В научной литературе разработаны многочисленные подходы к созданию и развитию СЭЗ (Feng & Wang, 2021; Aggarwal, 2019b; Сапир, Карачев, 2024), которые могут быть использованы как методологическая основа выработки политики сближения и интеграционного взаимодействия экономик России и Китая с учетом потенциала функционирующих СЭЗ обеих стран. СЭЗ на базе глобальных цепочек создания стоимости (далее — ГЦС) могут при этом рассматриваться как неотъемлемый переходный этап МЭИ.

Теоретическая разработанность

Место и роль СЭЗ в развитии и углублении международной экономической интеграции достаточно широко исследованы в работах отечественных и зарубежных авторов.

Исследованиями доказано, что по мере того, как национальные институты достигают готовности к более глубокой либерализации и развитию интеграционных моделей сотрудничества, роль СЭЗ неуклонно повышается. Во-первых, это переход от модели СЭЗ как экспортноориентированных анклавов к модели СЭЗ, в которой высокое значение имеют привлечение иностранных инвестиций (Frick & Rodríguez-Pose, 2023) и се-

тевое взаимодействие. Во-вторых, использование успешной институциональной и зональной политики обеспечивает экономическую открытость и встраивание в региональные и глобальные цепочки создания стоимости. В-третьих, страны рассматривают СЭЗ не просто как «пилотные площадки» для новых продуктов и услуг, но также как инструменты МЭИ и полноценной эффективной интеграции в ГЦС.

Создание и институциональное развитие первичных СЭЗ, впоследствии трансформируемых в СЭЗ на базе ГЦС, может быть обосновано двумя подходами: 1) статичный институциональный подход; 2) эволюционный институциональный, или развивающий подход.

В рамках статичного подхода выделяются традиционная и современная позиции в отношении зональной политики. Традиционная позиция рассматривает СЭЗ как анклав, которые способствуют торговле и росту, в искаженной тарифами экономике, путем устранения препятствий для свободной торговли (Warr, 1989). Согласно современной позиции, СЭЗ выступают, прежде всего, в качестве инструментов экспортоориентированной индустриализации в условиях открытого режима (Amsden, 2001), которые позволяют развивающимся экономикам преодолевать косную структуру институтов и повышать производственную и рыночную эффективность (Wade, 1990).

Центральная предпосылка эволюционного, или развивающего подхода (Aggarwal, 2019b) заключается в том, что СЭЗ являются стратегической государственной инициативой, направленной на устранение институциональных ограничений и создание благоприятных условий для экономического роста на каждом этапе развития (Nathan & Overman, 2013; De Backer & Miroudot, 2013; Gordon & McCann, 2000; Capello, 2009).

Особое внимание экспертов в период, последовавший за мировым экономическим кризисом 2008—2009 гг., привлекла идея развития СЭЗ на базе глобальных цепочек стоимости. И разрабатывалась она также на базе двух альтернативных подходов: конкурентного (Appiah-Kubi et al., 2021; Athukorala & Narayanan, 2018) и кооперационного (Aggarwal, 2019a; De Lombaerde, 2010; Gómez-Mera, 2009; Barzotto et al., 2019). Кроме того, рядом авторов выделяется особый коопетиционный подход, или подход на основе конкурентного сотрудничества. Коопетиция определяется как ситуация, когда СЭЗ на базе ГЦС стран-участниц интеграции одновременно сотрудничают и конкурируют, а основная идея заключается в том,

¹ СЭЗ создается и функционирует в пределах одной или нескольких административных единиц государства либо в пределах приграничных административных единиц нескольких государств, не затрагивая при этом остальную часть национального пространства. ЗСТ, напротив, предполагает полный охват национальных территорий стран-участниц интеграции.

² СЭЗ, как правило, ориентирована на расширение внутренней кооперации между своими участниками, а также их внешней кооперации с различными зарубежными рынками. Напротив, ЗСТ предполагает запуск интеграционного процесса первично только между участвующими государствами.

³ Отдельно взятая СЭЗ вследствие локализации на определенной территории незначительно интегрирована в национальную экономику и ограничена в инструментах тиражирования в масштабе страны своих лучших апробированных регулятивных практик. ЗСТ же изначально подразумевает договоренность между государствами об общих принципах регулирования в конкретных сферах.

что данный подход позволяет странам наращивать свой потенциал путем получения доступа к ресурсам и рынкам партнера по интеграции для повышения своего конкурентного преимущества (Brandenburger & Nalebuff, 1996).

В последнее время в литературе оформилось два направления исследования ГЦС-связанных СЭЗ: первое посвящено изучению факторов успешного и устойчивого функционирования национальных СЭЗ, обладающих внешнеэкономическим потенциалом (Сапир, Карачев, 2024; Карачев, 2025), второе — особенностям приграничной локализации, моделей управления и механизмов финансирования трансграничных СЭЗ (Aggarwal, 2019a; Grossman et al., 2021).

Широкая теоретическая, методологическая и аналитическая исследовательская база в части ГЦС-связанных СЭЗ представлена в работах китайских ученых. С применением междисциплинарного подхода, опирающегося на закономерности развития мировой экономики, геополитики, международной географии, пространственного планирования и страноведения, китайскими специалистами применительно к СЭЗ на базе ГЦС обоснованы научные положения и получены результаты, связанные с:

- типологизацией специальных зон по критериям доминирующей отрасли, пространственной организации и структуры управления (Еркен и др., 2017);

- анализом институциональных, социально-экономических, технологических, пространственных и культурных факторов при гармонизации зональных политик государств (Liu & Yao, 2021; Liang et al., 2021);

- оценкой перспектив развития торговых и кооперационных связей государств на базе наращивания внешнеэкономического потенциала действующих национальных СЭЗ (Meng et al., 2023);

- измерением многогранного влияния политики создания специальных зон на национальном, макрорегиональном и глобальном уровнях (Gong, 2019).

Приоритеты внешнеэкономической политики КНР, направленной на расширение геоэкономического присутствия и геополитического влияния в мире, определяются запущенной в 2013 г. глобальной инициативой «Пояс и путь», которая нацелена на развитие международной инфраструктуры, транснациональных производственных, транспортных и торговых сетей, ориентированных на Китай и подконтрольных ему. Инициатива

объединяет сухопутный «Экономический пояс Шелкового пути», «Морской Шелковый путь XXI века», «Цифровой Шелковый путь», а также «Шёлковый путь здоровья» и охватывает уже порядка 100 стран по всему миру. Проекты инициативы «Пояс и путь» в целях соответствия приоритетам 14-го пятилетнего плана Китая (2021 — 2025 гг.) предусматривают технологический и финансовый типы кооперации и интеграции, расширяющие использование цифровых платформ и валюты Китая; создание новых рынков для китайских товаров и услуг; обеспечение энергетической и продовольственной безопасности; развитие внутренних регионов Китая.

Большое внимание к реализации глобальной китайской инициативы проявляют страны — члены ЕАЭС, которые активизировали своё партнерство с КНР в этом направлении на базе сопряжения евразийской интеграции с инициативой «Пояс и путь» (Архипова, Пантелеев, 2020). Мощный потенциал несёт в себе Соглашение между ЕАЭС и КНР от 17.05.2018¹ (далее — Соглашение), которое позволило впервые институционально оформить и закрепить компоненты экономического и торгового сотрудничества КНР и Союза в качестве единого субъекта. Меры по усилению интеграционного взаимодействия также были закреплены в стратегических документах как на уровне Союза, так и на национальном уровне. Соглашение на данном этапе не предполагает осуществления взаимной торговли без ограничений, однако, закрепляя правовые гарантии, прозрачные условия регулирования, а также векторы промышленной кооперации, оно создаёт возможность формирования ЗСТ в будущем.

С учетом геополитического сближения, прежде всего, России и КНР, о чем свидетельствуют взаимные контакты на высшем уровне, а также заявления о всеобъемлющем характере стратегического партнерства², представляется целесообразным рассмотреть проблемы

¹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (заключено в г. Астане 17.05.2018). <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2025).

² См., например: Переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином (21.01.2025). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76137> (дата обращения: 25.01.2025); Россия и Китай: стратегическое партнёрство, ориентированное в будущее (03.02.2022). <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67694> (дата обращения: 25.01.2025).

и перспективы создания ЗСТ между странами как начального этапа международной экономической интеграции.

Методы и данные

Исследование проводилось на основе официальных статистических данных Организации ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной торговой организации, Международного торгового центра, портала fDi Intelligence, а также Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. Период исследования охватывал временные рамки с 2000 по 2023 гг.

Алгоритм исследования состоял из следующих основных этапов.

1. Изучение торгового взаимодействия России и Китая: структурно-динамический анализ (а) внешней торговли; (б) взаимной торговли; (в) товарного экспорта (сырьевые и промышленные товары); (г) промышленного экспорта (труд- и ресурсоемкие товары, технологические товары, требующие низкой, средней и высокой квалификации работников).

2. Изучение инвестиционного взаимодействия России и Китая: (а) структурно-динамический анализ внешних и взаимных потоков прямых иностранных инвестиций; (б) анализ динамики реализации проектов прямых иностранных инвестиций типа «гринфилд» в количественном и стоимостном выражении.

3. Изучение состояния политики создания специальных экономических зон в России и Китае: (а) анализ динамики числа и функционального распределения специальных экономических зон; (б) выделение особенностей и преимуществ зональной политики.

4. Изучение перспектив создания российско-китайской зоны свободной торговли: анализ уровня торгово-экономических связей с помощью торговых индексов¹ (индекс проникновения импорта, индексы энтропии по экспорту и импорту, индекс интенсивности торговли, обобщенный индекс перспектив торговой интеграции).

Результаты

Текущее обострение геэкономической ситуации в мире и связанное с ним ускоренное формирование геополитической полицен-

тричности явились драйверами масштабного расширения российско-китайского экономического взаимодействия.

Структурно-динамический анализ торгового взаимодействия России и Китая

На протяжении рассматриваемого периода 2000 — 2023 гг. наблюдался рост взаимной торговли между Россией и Китаем. Значение внешнеторгового оборота в 2023 г. превысило аналогичный показатель 2000 г. более чем в 33 раза, достигнув 240 млрд долл. США. Проводимая в отношении России санкционная политика стран Запада положительно отразилась на совокупном объеме торговли товарами России и Китая, вызвав лишь замедление темпов его роста (табл. 1). При этом следует отметить расхождение в значимости взаимных торговых поставок товаров для России и Китая (рис. 1).

Доля Китая во внешнеторговом обороте России за рассматриваемый период увеличилась с 5 % до 33 %, а в среднем составила 15 %; среднее значение доли по экспорту — 13 %, по импорту — 20 %. Россия в объеме внешней торговли Китая играет менее значимую роль, ее средняя доля как в китайском товарном экспорте, так и в импорте составила 2,3 %. При этом следует отметить планомерное повышение значимости России для Китая в качестве торгового партнера, особенно начиная с 2020 г.

Исследование позволило выявить ярко выраженную асимметричность российско-китайского внешнеторгового обмена, что обнаруживается при сравнении товарной структуры взаимных поставок по двум обобщенным товарным группам: сырьевым товарам и промышленным товарам (рис. 2 и рис. 3).

Структуры экспорта России и Китая в рамках взаимного обмена на протяжении всего исследуемого периода оставались диаметрально противоположными и при этом относительно стабильными. Так, в российском экспорте в Китай средняя доля сырьевых товаров составляла 77 %, промышленных товаров — 23 %; в китайском экспорте в Россию соотношение средних долей сырьевых и промышленных товаров составило 6 % против 94 %.

Структура промышленного экспорта на протяжении исследуемого периода также серьезно менялась (рис. 4 и рис. 5).

До середины 2000-х гг. Россия практически не экспортировала углеводороды в КНР. Большую часть поставок из России составляли промышленные товары, такие как химическая продукция, тяжелые машины и изделия из стали. Напротив, сегодня Россия практиче-

¹ Методика расчета индексов представлена в Докладе НИУ ВШЭ (Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2020: доклад НИУ ВШЭ. https://tradepol.hse.ru/data/2020/11/25/13523_24378/Оценка_интеграционных_процессов%20ЕАЭС%20в%20сфере%20торговли%202020.pdf (дата обращения 25.01.2025)).

Таблица 1

Показатели внешней торговли России и Китая
(экспорт — Э; импорт — И; внешнеторговый оборот — ВТО) за период 2000 — 2023 гг.

Table 1

Russia and China Foreign Trade Indicators
(exports — E; imports — I; foreign trade turnover — FTT) for 2000 — 2023

Показатель	Год							
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
<i>Россия — мир (млрд долл. США)</i>								
Э	103,1	241,5	397,1	343,9	337,1	492,3	589,9	422,6
И	44,9	125,4	228,9	182,8	231,7	293,5	269,6	295,7
ВТО	148,0	366,9	626,0	526,7	568,8	785,8	859,4	718,3
<i>Китай — мир (млрд долл. США)</i>								
Э	249,2	762,0	1 577,8	2 273,5	2 590,0	3 316,0	3 544,4	3 379,3
И	225,1	660,0	1 396,0	1 679,6	2 069,6	2 679,4	2 716,0	2 556,8
ВТО	474,3	1 421,9	2 973,8	3 953,0	4 659,5	5 995,4	6 260,4	5 936,0
<i>Россия — Китай (млрд долл. США)</i>								
Э*	5,2	13,0	19,8	28,3	49,1	68,7	114,1	128,5
И**	2,0	7,3	39,0	34,1	54,9	72,7	76,1	111,1
ВТО	7,2	20,3	58,7	62,4	104,1	141,4	190,3	239,5
<i>Доля взаимной торговли во внешней торговле России (%)</i>								
Э	5,1	5,4	5,0	8,2	14,6	14,0	19,4	30,4
И	4,4	5,8	17,0	18,6	23,7	24,8	28,2	37,6
ВТО	4,9	5,5	9,4	11,8	18,3	18,0	22,1	33,3
<i>Доля взаимной торговли во внешней торговле Китая (%)</i>								
Э	0,8	1,0	2,5	1,5	2,1	2,2	2,1	3,3
И	2,3	2,0	1,4	1,7	2,4	2,6	4,2	5,0
ВТО	1,5	1,4	2,0	1,6	2,2	2,4	3,0	4,0
<i>Динамика взаимной торговли России и Китая (%)</i>								
Э	—	148,6	51,6	43,2	73,4	39,7	66,2	12,6
И	—	269,0	436,3	-12,5	61,1	32,4	4,7	45,9
ВТО	—	181,5	189,2	6,2	66,7	35,9	34,6	25,9

Примечания: * Экспорт России в Китай. ** Импорт России из Китая.

Источник: составлено авторами на основе: Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025).

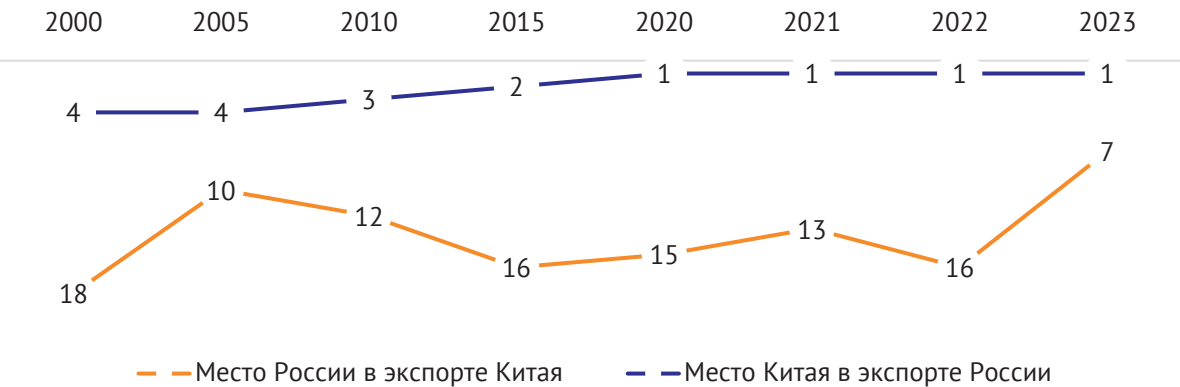

Рис. 1. Место России и Китая в экспорте Китая и России соответственно (источник: составлено авторами на основе: Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025))

Fig.1. The Role of Russia and China in Each Other's Export Trade
(source: compiled by the authors based on Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.01.2025))

ски не экспортирует в Китай высокотехнологичные товары, а наращивает поставки таких товаров, как сырая нефть, природный газ, уголь и металлы (например, золото, никель, титан

и платина). Также Россия выступает для Китая важным поставщиком пшеницы, удобрений, продукции рыбной отрасли, поскольку Китай сталкивается с дефицитом в этой сфере.

Рис. 2. Структура товарного экспорта России в Китай, % (источник: составлено авторами на основе: UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025))

Fig.2. Structure of Russia's Goods Exports to China, %

(source: compiled by the authors based on UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.01.2025))

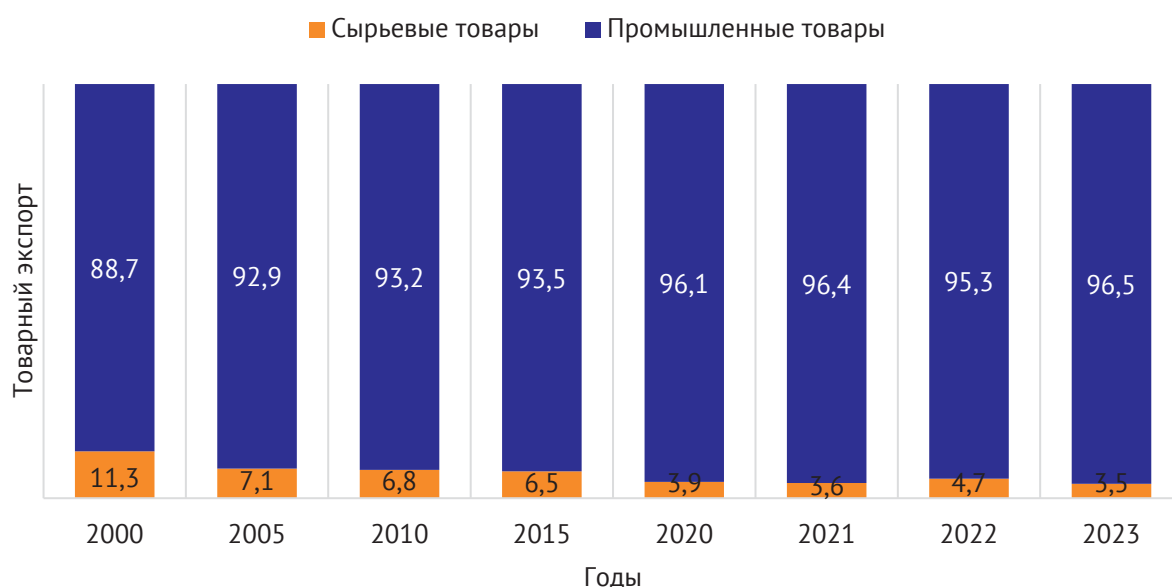

Рис. 3. Структура товарного экспорта Китая в Россию, % (источник: составлено авторами на основе: UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025))

Fig.3. Structure of China's Goods Exports to Russia, %

(source: compiled by the authors based on UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.01.2025))

Китай в настоящее время экспортирует в Россию машины и электронику, за которыми следуют цветные металлы, текстиль и одежда, транспортные средства, корабли и самолеты. Структурный сдвиг в китайском экспорте в Россию от трудо- и ресурсоемких товаров к техноемким товарам стал заметен после

2010 г., до этого Китай поставлял в Россию преимущественно трудоемкие потребительские товары (одежда, обувь и др.). Продолжающаяся санкционная политика в отношении России постепенно способствует углублению российско-китайских внешнеторговых связей, расширению номенклатуры взаимного обмена.

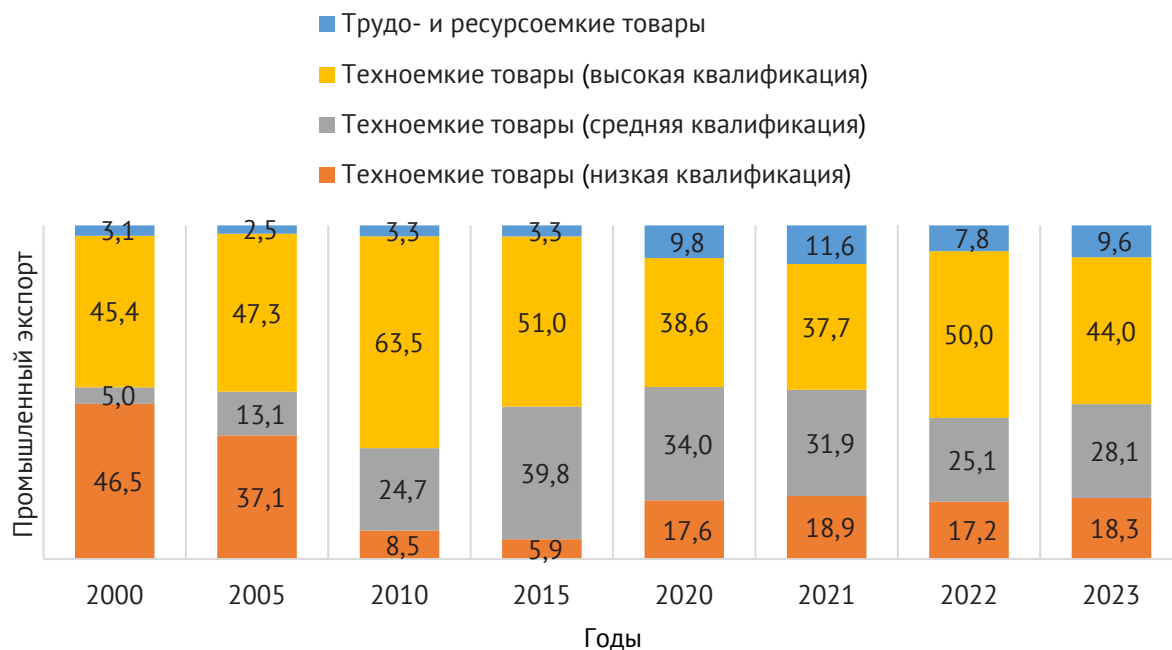

Рис. 4. Структура промышленного экспорта России в Китай, % (источник: составлено авторами на основе: UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025))

Fig. 4. Structure of Russia's Industrial Exports to China, %
(source: compiled by the authors based on UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.01.2025))

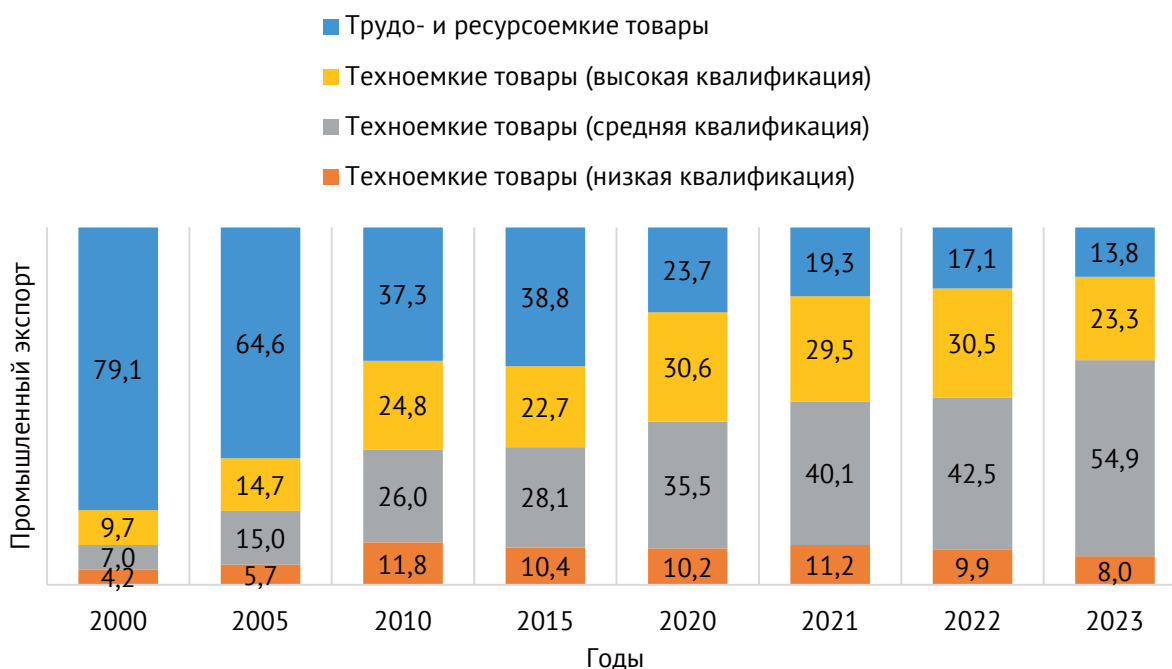

Рис. 5. Структура промышленного экспорта Китая в Россию, % (источник: составлено авторами на основе: UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025))

Fig. 5. Structure of China's Industrial Exports to Russia, %
(source: compiled by the authors based on UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed 25.01.2025); Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.01.2025))

Структурно-динамический анализ инвестиционного взаимодействия России и Китая

Укрепление взаимных геополитических связей России и Китая способствует наращиванию объемов торгового взаимодействия, но пока не сопровождается серьезными положительными сдвигами в области двустороннего инвестиционного сотрудничества (табл. 2). Это объясняется фактором нестабильности и непредсказуемости экономической ситуации, что негативно отражается на высокорисковой инвестиционной деятельности.

Согласно последним доступным данным об иностранных инвестициях, объем прямых иностранных инвестиций Китая в Россию накопительным итогом составил около 4,5 млрд долл. США на конец 2023 г., что не превышает 1 % от общего объема входящих в Россию ПИИ. На самом деле, доля Китая несколько больше. Актуальные данные об инвестициях министерства торговли Китая в некоторой степени включают косвенные потоки, поступающие

через офшорные юрисдикции, сообщая об объеме инвестиций в Россию нарастающим итогом на конец 2023 г. более 11 млрд долл. США. Однако это не меняет вывода о том, что китайские инвестиции до сих пор не сыграли существенной роли в российской экономике. Для КНР Россия имеет еще меньшее значение: на нее приходится менее 0,5 % от общего объема исходящих ПИИ Китая.

Масштабы взаимного инвестиционного сотрудничества России и Китая подтверждаются данными о реализации совместных инвестиционных проектов (табл. 3).

Многие совместные российско-китайские проекты, включенные в национальный список, были добавлены в 2014–2019 гг., в настоящее время наблюдается общая тенденция уменьшения количества новых крупных инвестиционных проектов. В то же время, инфраструктурная политика остается приоритетным направлением развития регионов России, в том числе регионов Дальнего Востока, сопредельных с Китаем. Инфраструктурные ограничения, а также не-

Таблица 2

Показатели инвестиционного взаимодействия России и Китая
(входящие прямые иностранные инвестиции — Вх. ПИИ;
исходящие прямые иностранные инвестиции — Исх. ПИИ)
за период 2000 — 2023 гг.

Table 2

Indicators of Investment Interaction between Russia and China (inward foreign direct investment — Inward FDI; outward foreign direct investment — Outward FDI), 2000 — 2023

Показатель	Год							
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
<i>Россия — мир (млрд долл. США)</i>								
Вх. ПИИ	2,7	14,4	31,7	11,9	10,4	38,6	-15,2	8,4
Исх. ПИИ	3,2	16,7	41,1	27,1	6,8	64,1	11,5	29,1
<i>Китай — мир (млрд долл. США)</i>								
Вх. ПИИ	40,7	72,4	114,7	135,6	149,3	181,0	189,1	163,3
Исх. ПИИ	0,9	12,3	68,8	145,7	153,7	178,8	163,1	147,9
<i>Россия — Китай (млрд долл. США)</i>								
Вх. ПИИ*	0,014	0,203	0,336	0,645	0,053	0,011	-0,740	0,770
Исх. ПИИ**	0,016	0,082	0,030	0,011	0,002	0,046	0,023	0,058
<i>Доля взаимных ПИИ в общем объеме ПИИ России (%)</i>								
Вх. ПИИ	0,52	1,41	1,06	5,44	0,51	0,03	–	9,21
Исх. ПИИ	0,51	0,49	0,07	0,04	0,03	0,07	0,20	0,20
<i>Доля взаимных ПИИ в общем объеме ПИИ Китая (%)</i>								
Вх. ПИИ	0,04	0,11	0,03	0,01	0,00	0,03	0,01	0,04
Исх. ПИИ	1,51	1,66	0,49	0,44	0,03	0,01	–	0,52
<i>Динамика взаимных ПИИ России и Китая (%)</i>								
Вх. ПИИ	–	1367,0	65,2	92,0	-91,8	-79,2	–	–
Исх. ПИИ	–	405,2	-63,4	-63,3	-81,8	2200,0	-50,0	152,9

Примечания: *Входящие ПИИ из Китая в Россию. ** Исходящие ПИИ из России в Китай.

Источник: составлено авторами на основе: UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 25.01.2025).

Таблица 3

Проекты ПИИ России и Китая за период 2000 — 2023 гг. (число и стоимость проектов приведены накопительным итогом)

Table 3

Russia-China FDI Projects, 2000 — 2023 (the number and cost of projects are presented as cumulative total)

Показатель	Год							
	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
<i>Россия — мир</i>								
Проекты ПИИ (число, ед.)	—	1 323	3 613	5 096	6 490	6 646	6 661	6 685
Проекты ПИИ (стоимость, млрд долл. США)	—	77,9	237,9	323,9	404,1	419,0	419,3	420,5
<i>Китай — мир</i>								
Проекты ПИИ (число, ед.)	—	4 234	11 225	17 140	20 935	21 449	21 836	22 308
Проекты ПИИ (стоимость, млрд долл. США)	—	334,9	879,8	1 297,8	1 633,5	1 669,3	1 691,2	1 728,7
<i>Россия — Китай</i>								
Проекты ПИИ (число, ед.)	—	—	—	—	92	79	79	83
Проекты ПИИ (стоимость, млрд долл. США)	—	—	—	—	30,8	22,0	0,7	17,1

Источник: составлено авторами на основе: UNCTADstat Data Hub. <https://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (дата обращения: 25.01.2025); Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству: официальный сайт. <https://mpk-cn.ru/> (дата обращения: 25.01.2025).

достатки инвестиционного климата преодолеваются благодаря проводимой государством политике создания специальных экономических зон различной функциональной направленности (Андреева, Ратнер, 2024). Частью новой экономической политики Китая стал запуск в 2013 г. инициативы так называемых пилотных зон свободной торговли — специальных экономических зон, отличавшихся от уже действующих в стране зон экономического и технологического развития, зон высокотехнологического промышленного развития и инновационных парков.

Анализ политики создания специальных экономических зон в России и Китае

Следует отметить, что зональная политика как в России, так и в Китае является достаточно развитой. Россия отличается большим разнообразием СЭЗ, а Китай — большим числом СЭЗ. В обеих странах с каждым годом число СЭЗ увеличивается (табл. 4). Отдельные СЭЗ Китая и России отмечаются экспертами на международном уровне, о чем свидетельствуют данные ежегодного рейтинга Global Free Zones of the Year (табл. 5).

К преимуществам СЭЗ Китая международные эксперты отнесли следующие аспекты:

— активная работа по упорядочению бизнес-процессов и уменьшению бюрократии (создание системы управления инвестициями и системы надзора за торговлей) (WFTZ);

— диверсифицированное сочетание отраслей, что создает эффект кластера (WFTZ);

— гибкий регулятивный режим, позволяющий скорректировать преференциальную политику в условиях глобальных проблем с цепочкой поставок (WFTZ);

— реализация стратегии переориентации промышленного производства на внутренний рынок (DFTZ);

— стратегия нулевых выбросов, основанная на использовании водорода, энергии ветра и интегрированных в строительство фотоэлектрических систем (DFTZ);

— новые проекты по строительству инфраструктуры, нацеленные на создание новых торговых коридоров (GPFTZ);

— реализация программы умных городов с интеграцией технологий, бизнеса, логистики и социальных проектов (GPFTZ).

К преимуществам СЭЗ России отнесены:

— строительство объектов транспортной и инженерной инфраструктуры;

— активное сотрудничество с учебными заведениями в целях формирования кадров для резидентов СЭЗ;

— расширение экологической политики.

Как было упомянуто ранее, переходным этапом к международной экономической интеграции могут выступать национальные и трансграничные ГЦС-связанные СЭЗ.

Трансграничные СЭЗ, которые охватывали бы части территорий приграничных регио-

Таблица 4

Число СЭЗ в России и Китае по типам за период 2000—2023 гг., ед.

Table 4

Number of SEZs in Russia and China by Type, 2000—2023 (units)

Страна	Тип СЭЗ*	Год							
		2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023
Россия	ЛСЭЗ	0	0	1	2	3	3	3	3
	МСЭЗ	1	1	2	3	5	5	5	6
	ССЭЗ	0	2	10	27	147	151	154	170
	ИСЭЗ	0	4	5	7	12	16	18	20
	Итого	1	7	18	39	167	175	180	199
Китай	ЛСЭЗ	1	1	4	13	16	16	17	18
	МСЭЗ	114	144	607	2002	2467	2586	2618	2640
	ССЭЗ	1	1	3	9	11	12	12	15
	ИСЭЗ	8	10	40	132	163	171	173	175
	Итого	124	156	654	2156	2657	2785	2820	2848

Примечания: * Логистические, многопрофильные, специализированные и инновационные СЭЗ.

Источник: составлено авторами на основе: World Investment Report 2019 — Special Economic Zones. UNCTAD. <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2019> (дата обращения: 25.01.2025); Open Zone Map: official portal. <https://www.openzonemap.com/> (дата обращения: 25.01.2025).

Таблица 5

Данные рейтинга Global Free Zones of the Year 2014—2023 по СЭЗ России и Китая

Table 5

Global Free Zones of the Year Rankings 2014—2023 for Russian and Chinese SEZs

Наименование СЭЗ	Страна	GFZ — 2014 — 2023						Число вы- соких мест в рейтинге	
		Глобальный уровень (ГУ)		Региональный уровень (РУ)				ГУ	РУ
		П*	ВО**	АТР		Европа			
		П	ВО	П	ВО	П	ВО		
Waigaoqiao Free Trade Zone	Китай	—	1	2	5	—	—	1	7
Dalian Free Trade Zone	Китай	—	1	2	—	—	—	1	2
Guangxi Pilot Free Trade Zone	Китай	—	1	1	—	—	—	1	1
Special Economic Zone Lipetsk***	Россия	—	—	—	—	1	—	—	1

Примечания: * Победитель. ** Высокие оценки. *** Следует отметить, что в разные годы положительные оценки международных экспертов получили (несмотря на то, что не заняли лидирующие позиции) также ОЭЗ в Калининградской области, ОЭЗ «Технополис Москва» (г. Москва), ОЭЗ «Иннополис» (Республика Татарстан) и ОЭЗ «Дубна» (Московская область).

Источник: составлено авторами на основе: Global Free Zones of the Year Ranking 2014 — 2023: fDi Intelligence. <https://www.fdiintelligence.com/rankings-and-awards> (дата обращения: 25.01.2025).

нов России и Китая, в настоящее время отсутствуют и не запланированы к созданию. Однако национальные ГЦС-связанные СЭЗ в Китае функционируют в виде пилотных зон свободной торговли¹, а в России планируются

к созданию в виде международных территорий опережающего развития².

Среди особенностей функционирования пилотных зон свободной торговли Китая следует выделить, во-первых, целевую направленность на выработку новых подходов к государственному управлению и их апробацию

¹ United Nations (2023). The Role of China's Pilot Free Trade Zones in Promoting Institutional Innovation, Industrial Transformation and South-South Cooperation. UNCTAD. https://unctad.org/system/files/official-document/gds2023d5_en.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

² Проекты Федеральных законов № 518787-8 и № 518779-8. <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 25.01.2025).

(в основе новых подходов — принципы цифровизации управления, а также приоритета функций мониторинга и регулирования над функцией «предварительного санкционирования»); во-вторых, разработку новых моделей преференциального режима, способствующих «высококачественному развитию» промышленности через создание «передовой промышленной агломерации», продвижение «интегрированных промышленных инноваций» и «оптимизацию благоприятной среды для промышленного развития»; в-третьих, стимулирование развития сектора логистических и цифровых услуг (с фокусом на «платформизации» торговли) и финансовой интеграции.

Среди особенностей планируемых к созданию международных территорий опережающего развития России следует выделить, во-первых, возможность закрепления статуса такой территории в международном соглашении; во-вторых, нацеленность преференциального режима на поддержку промышленно-ориентированных инвестиционных проектов с международным финансированием; в-третьих, обеспечение реализации требования о создании в рамках проекта сложного высокотехнологичного производства (Карачев, 2025).

Перспективы создания российско-китайской зоны свободной торговли на основе оценки торгово-экономических связей

Индексы развития торговли между Россией и Китаем приведены на рисунке 6.

Индекс проникновения импорта, отражающий роль потенциально интегрируемых стран в удовлетворении внутреннего спроса, показал следующее. Значения индекса в рассматриваемом периоде 2000–2023 гг. колебались незначительно: от 0,53 % (2000 г.) до 1,21 % (2023 г.). Несмотря на рост значения индекса, внутренний спрос России и Китая удовлетворяется в преобладающем объеме не за счет совокупного взаимного импорта, а за счет собственного производства и поставок из других стран.

Индекс интенсивности торговли, отражающий соотношение между долей обеспеченности внутреннего спроса за счет взаимной торговли стран-партнеров и средней долей обеспеченности внутреннего спроса стран мира за счет поставок из стран-партнеров, показал следующее. Значения индекса в изучаемом периоде подверглись незначительным колебаниям: от 0,36 (2000 г.) до 0,50 (2023 г.). Подобные значения, не превышающие уровень в 0,5, свидетельствуют о серьезном отставании доли взаимного импорта России и Китая от среднемировой доли импорта из России и Китая.

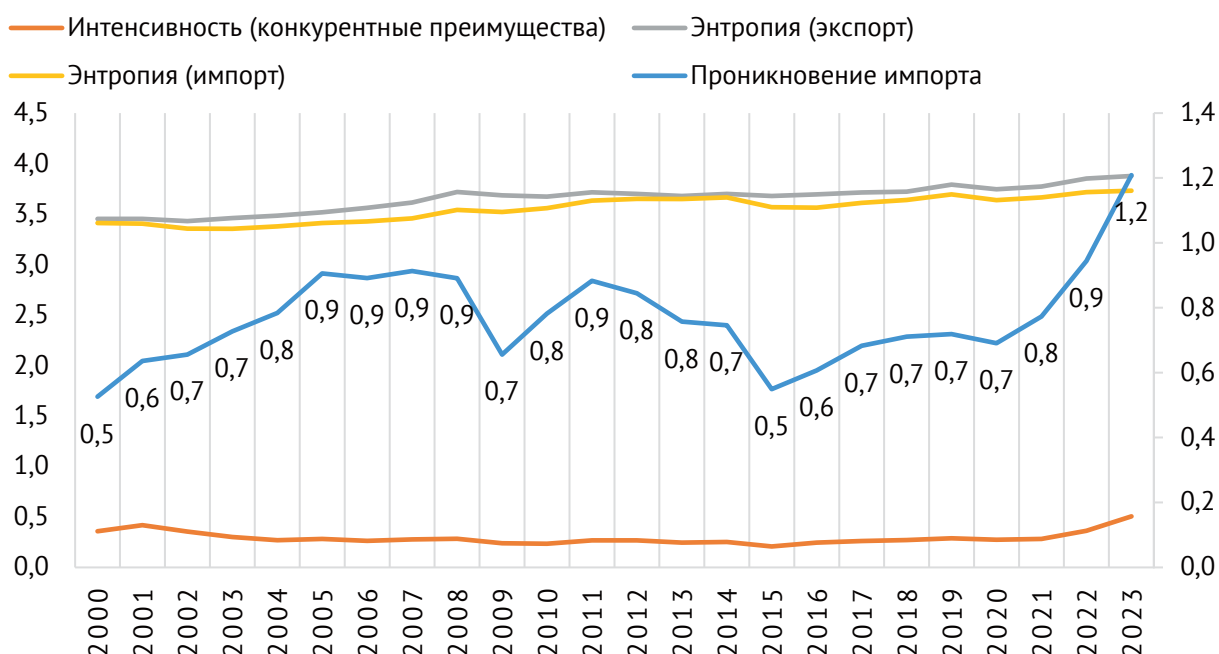

Рис. 6. Оценка уровня торгово-экономических связей России и Китая с помощью четырех торговых индексов (источник: рассчитано авторами на основе: Trade Map, <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025))

Fig. 6. Evaluation of Russia-China Trade and Economic Relations Using Four Trade Indicators

(source: compiled by the authors based on data from Trade Map, <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.01.2025))

Индексы торговой энтропии по экспорту (импорту), отражающие степень концентрации или распределения экспорта (импорта) потенциально интегрируемых стран между торговыми партнерами из числа всех государств мира, показали следующее. Значения указанных индексов как в отношении экспорта, так и в отношении импорта колебались незначительно: индекс энтропии по экспорту принимал значения от 3,45 (2000 г.) до 3,88 (2023 г.); индекс энтропии по импорту — от 3,41 (2000 г.) до 3,73 (2023 г.). Невысокие значения индексов в данном случае свидетельствуют о преимущественно неравномерном распределении (концентрации) экспорта и импорта России и Китая между государствами мира.

Усреднение значений индексов позволило вычислить обобщенный индекс перспектив торговой интеграции (рис. 7).

Нормализация значений индексов торговой интеграции позволила увидеть более объективную картину перспектив торговой интеграции. Так, можно наблюдать серьезный рост нормализованных индексов проникновения импорта и интенсивности импорта. Эти индексы ускорили рост и обобщенного индекса торговой интеграции. Такие данные указывают на заметное улучшение параметров взаимной торговли в последние годы. Однако сопоставление динамики обобщенного индекса с показателями структуры

взаимной торговли двух стран позволяет сделать вывод о недостаточном развитии кооперационных связей между странами и об отсутствии на данном этапе взаимных выгод от создания зоны свободной торговли как первичного этапа международной экономической интеграции.

Обсуждение результатов

С учетом результатов исследования авторами статьи выделены факторы, содействующие и препятствующие созданию ЗСТ между Россией и Китаем.

Факторы, содействующие созданию ЗСТ:

- координация стратегий экономического развития с точки зрения изменения геополитической и геоэкономической конъюнктуры;
- наличие комплементарной торговой структуры;
- развитие приграничных территорий посредством создания специальных экономических зон.

Факторы, препятствующие созданию ЗСТ:

- незначительный объем двустороннего торгового взаимодействия в сравнении с торговым взаимодействием с другими странами;
- стабильные диаметрально противоположные различия в структуре взаимного внешнеторгового оборота;
- инфраструктурные ограничения и нестабильная инвестиционная среда.

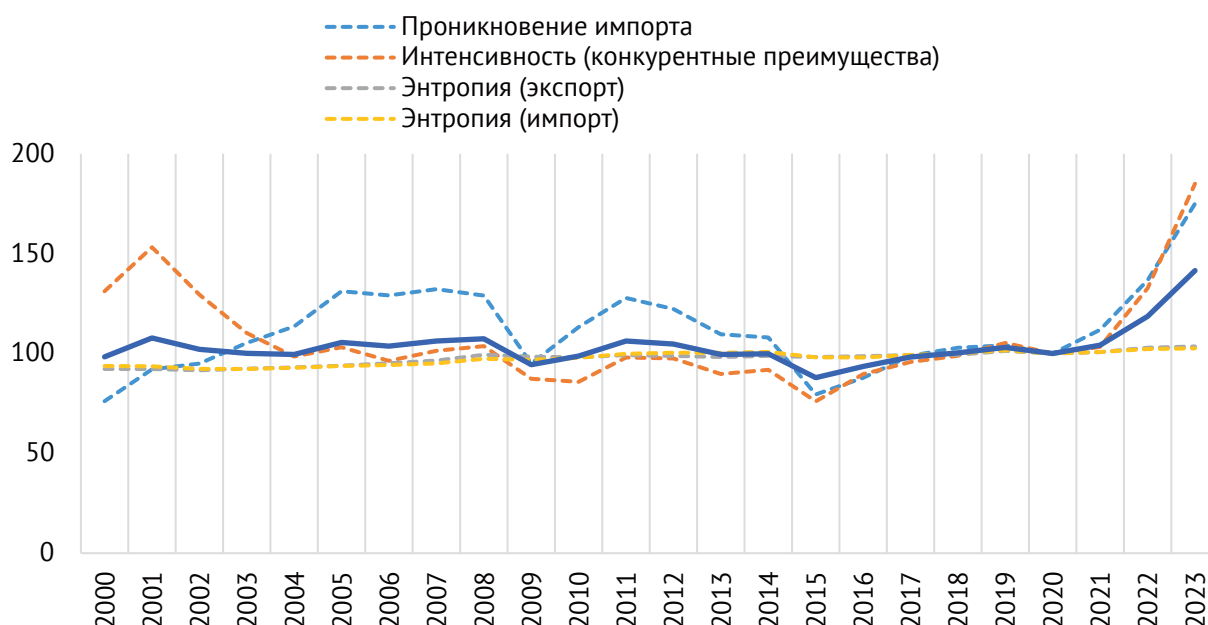

Рис. 7. Оценка торговой интеграции России и Китая с точки зрения создания зоны свободной торговли (нормализованные значения: 2020 г. = 100 %), % (источник: рассчитано авторами на основе: Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 25.01.2025))

Fig. 7. Assessment of Russia-China Trade Integration from the Perspective of Creating a Free Trade Zone (normalized values: 2020 = 100 %), % (source: calculated by the authors based on Trade Map. <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.01.2025))

Углублению долгосрочных интеграционных связей России и Китая, по нашему мнению, могли бы способствовать специальные экономические зоны на базе глобальных цепочек стоимости, созданные как на основе первичных национальных СЭЗ, так и функционирующие в форме трансграничных российско-китайских СЭЗ.

Создание СЭЗ, функционирующих на базе ГПС, возможно при следовании следующим принципам.

Во-первых, правительства должны признать необходимость реформирования и совершенствования государственных услуг в соответствии с международными стандартами в целях поддержки делового климата, что является необходимым условием международной инвестиционной конкурентоспособности экономики. Институциональные инновации должны также опираться на передовую мировую практику и стандарты. Кроме того, больше внимания следует уделять отдельным экспериментальным институциональным инновациям, основанным на масштабируемости и воспроизводимости, что является одним из важнейших аспектов инвестиционной политики.

Во-вторых, необходимо дальнейшее продвижение промышленной трансформации и модернизации, включая привлечение инвестиций, талантов и технологий, как иностранных, так и внутренних, в высокотехнологичные отрасли промышленности и НИОКР для развития инновационной экономики.

В-третьих, требуется провести проверку различных стратегий содействия в отношении секторов ПИИ и услуг, включая подход по управлению до создания национального режима и негативного списка иностранного капитала; реформирование режима обменного курса, дальнейшее открытие секторов услуг, таких как финансовые услуги, страховые услуги, транспортные услуги и другие бизнес-услуги.

В-четвертых, формирование специализации, основанной на конкурентном позиционировании

конкретной территории базирования. Особое внимание должно уделяться определению особенностей местных условий и позиционированию на основе региональных преимуществ.

Заключение

В результате геоэкономического сближения России и Китая постепенно начинают складываться предпосылки более тесного сотрудничества «интегративного» свойства. Однако существующая дифференциация и асимметрия в торговом, инвестиционном и промышленном развитии в настоящее время препятствуют переходу от формата российско-китайского сотрудничества к формату интеграции.

Получение взаимных выгод от создания зоны свободной торговли России и Китая при всех имеющихся предпосылках к ней может быть лимитировано недостаточным развитием кооперационных производственных связей между странами, а также отсутствием согласованности в осуществлении национальной политики создания специальных экономических зон на современном этапе.

Вследствие этого специальные экономические зоны на базе глобальных цепочек создания стоимости, сформированные на приграничных территориях России и Китая, содействовали бы процессу международной экономической интеграции за счет повышения эффективности взаимных экономических и торговых отношений, ускорения конвергенции таможенных правил и стандартов, апробации новых форматов и способов внешней торговли, реализации совместных инфраструктурных проектов в целях создания и усиления экономических коридоров между странами.

На современном этапе развитие интеграционного сотрудничества России и Китая идет быстрыми темпами, что в перспективе, очевидно, будет способствовать постепенному снижению асимметричности торговых, инвестиционных и промышленных связей между странами.

Список источников

- Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В. (2024). Оценка ресурсной обеспеченности: от ЕАЭС к Большому евразийскому пространству. *Экономика региона*, 20(1), 263–275. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-18>
- Архипова, В. В., Пантелеев, А. А. (2020). ЕАЭС и стратегические инициативы КНР в контексте российских реалий. *Современная Европа*, (3), 96–107. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3202096107>
- Карачев, И. А. (2025). Международные территории опережающего развития как инструмент российско-китайского экономического сопряжения. *Актуальные проблемы развития отраслевых рынков: национальный и региональный уровень: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Воронеж, 03 апреля 2025 года* (с. 81–87). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга».
- Сапир, Е. В., Карачев, И. А. (2024). Оценка целесообразности создания специальных экономических зон: метод геоэкономического картирования. *Финансы: теория и практика*, 28(2), 6–22. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-6-22>

- Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. (2004). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. *Working Paper*, (10481). Cambridge: National Bureau of Economic Research (NBER), 111. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w10481/w10481.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
- Aggarwal, A. (2019a). Leveraging SEZs for regional integration in ASEAN: A synergistic approach. *Asian Survey*, 59(5), 795–821. <https://doi.org/10.1525/as.2019.59.5.795>
- Aggarwal, A. (2019b). SEZs and economic transformation: Towards a developmental approach. *Transnational Corporations*, 26(2), 27–48. <https://doi.org/10.18356/d5636c42-en>
- Amsden, A. (2001). *The rise of “the rest”: Challenges to the west from late-industrializing economies*. New York: Oxford University Press, 420.
- Appiah-Kubi, S. N. K., Malec, K., Phiri, J., Maitah, M., Gebeltová, Z., Smutka, L., Blazek, V., Maitah, K., & Sirohi, J. (2021). Impact of tax incentives on foreign direct investment: Evidence from Africa. *Sustainability*, 13(15), 8661. <https://doi.org/10.3390/su13158661>
- Athukorala, P.-C., & Narayanan, S. (2018). Economic corridors and regional development: The Malaysian experience. *World Development*, 106, 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.01.009>
- Balassa, B. (1961). *The theory of economic integration*. London: Routledge, 318.
- Barzotto, M., Corradini, C., Fai, F. M., Labory, S., & Tomlinson, P. R. (2019). Enhancing innovative capabilities in lagging regions: an extra-regional collaborative approach to RIS3. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 12(2), 213–232. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsz003>
- Brandenburger, A. M., & Nalebuff, B. J. (1996). *Co-opetition*. New York: Currency Doubleday, 304.
- Capello, R. (2009). Regional growth and local development theories: Conceptual evolution over fifty years of regional science. *Géographie, Économie, Société*, 11(1), 9–21. <https://doi.org/10.3166/GES.11.9-21>
- De Backer, K., & Miroudot, S. (2013). Mapping Global Value Chains. *OECD Trade Policy Papers*, (159). Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/5k3v1trgnbr4-en>
- De Lombaerde, P. (2010). How to ‘connect’ micro-regions with macro-regions? A Note. *Perspectives on Federalism*, 2(3), 29–37. http://webarchive-2009-2021.on-federalism.eu/attachments/080_download.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
- Feng, Y., & Wang, Y. (2021). A literature review on the location determinants of FDI. *International Business Research*, 14(4), 126–134. <https://doi.org/10.5539/ibr.v14n4p126>
- Frick, S. A., & Rodríguez-Pose, A. (2023). What draws investment to special economic zones? Lessons from developing countries. *Regional Studies*, 57(11), 2136–2147. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2185218>
- Gómez-Mera, L. (2009). Domestic constraints on regional cooperation: explaining trade conflict in MERCOSUR. *Review of International Political Economy*, 16(5), 746–777. <https://doi.org/10.1080/09692290802454216>
- Gong, X. (2019). The Belt & Road Initiative and China’s influence in Southeast Asia. *The Pacific Review*, 32(4), 635–665. <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513950>
- Gordon, I. R., & McCann, P. (2000). Industrial clusters: Complexes, agglomeration and/or social networks? *Urban Studies*, 37(3), 513–532. <https://doi.org/10.1080/0042098002096>
- Grossman, G., Helpman, E., & Lhuillier, H. (2021). Supply chain resilience: Should policy promote diversification or reshoring? *Working Paper*, (29330). Cambridge: National Bureau of Economic Research (NBER), 62. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w29330/w29330.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
- Hutchinson, F. E., & Chong, T. (Eds.). (2016). *The SIJORI cross-border region: Transnational politics, economics, and culture*. Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 481.
- Liang, Y., Zeng, J., Kuik, C., Zhou, Z., & Zhou, K. (2021). Policy transfer and scale reconstruction of China’s overseas industrial parks: A case study of the Malaysia-China Kuantan Industrial Park. *Journal of Geographical Sciences*, 31(5), 733–746. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1868-2>
- Liu, W., & Yao, Q. (2021). Theorizing Belt and Road construction mode from institutional and cultural perspectives. *Journal of Geographical Sciences*, 31(5), 623–640. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1862-8>
- Meng, G., Wang, R., & Wang, S. (2023). A review of China’s overseas economic and trade cooperation zones along the Belt and Road: Progress and prospects. *Journal of Geographical Sciences*, 33(7), 1505–1526. <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8>
- Nathan, M., & Overman, H. (2013). Agglomeration, clusters, and industrial policy. *Oxford Review of Economic Policy*, 29(2), 383–404. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grt019>
- Quium, A. (2019). Transport corridors for wider Socio-Economic development. *Sustainability*, 11(19), 5248. <https://doi.org/10.3390/su11195248>
- Tinbergen, J. (1965). *International economic integration*. Amsterdam: Elsevier Publishing Company, 142.
- Wade, R. (1990). *Governing the market: Economic theory and the role of the government in East Asian industrialization*. Princeton: Princeton University Press, 480.
- Warr, P. G. (1989). Export processing zones: The economics of enclave manufacturing. *The World Bank Research Observer*, 4(1), 65–88. <https://doi.org/10.1093/wbro/4.1.65>
- 叶尔肯, 吾扎提, 张薇, & 刘志高 [Еркен, В., Чжан, В., Лю, Ч.] (2017). 我国在“一带一路”沿线海外园区建设模式研究 [Исследование моделей строительства зарубежных индустриальных парков в рамках инициативы «Пояс и путь» Китая]. *中国科学院院刊 [Труды Китайской академии наук]*, 32(4), 355–362. <https://doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.2017.04.004>

References

- Acemoglu, D., Johnson, S., & Robinson, J. (2004). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. *Working Paper*, (10481). Cambridge: National Bureau of Economic Research (NBER), 111. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w10481/w10481.pdf (Date of access: 25.01.2025).
- Aggarwal, A. (2019a). Leveraging SEZs for regional integration in ASEAN: A synergistic approach. *Asian Survey*, 59(5), 795–821. <https://doi.org/10.1525/as.2019.59.5.795>
- Aggarwal, A. (2019b). SEZs and economic transformation: Towards a developmental approach. *Transnational Corporations*, 26(2), 27–48. <https://doi.org/10.18356/d5636c42-en>
- Amsden, A. H. (2001). *The rise of “the rest”: challenges to the west from late-industrializing economies*. Oxford University Press.
- Andreeva, E. L., & Ratner, A. V. (2024). Assessing the Resource Provision: from the EAEU to the Greater Eurasian Space. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 20(1), 263–275. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-18> (In Russ.)
- Appiah-Kubi, S. N. K., Malec, K., Phiri, J., Maitah, M., Gebeltová, Z., Smutka, L., Blazek, V., Maitah, K., & Sirohi, J. (2021). Impact of tax incentives on foreign direct investment: Evidence from Africa. *Sustainability*, 13(15), 8661. <https://doi.org/10.3390/su13158661>
- Arkipova, V., & Panteleev, A. (2020). The EAEU and Chinese strategic initiatives in the context of Russian realities. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*, (3), 96–107. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3202096107> (In Russ.)
- Athukorala, P.-C., & Narayanan, S. (2018). Economic corridors and regional development: The Malaysian experience. *World Development*, 106, 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.01.009>
- Balassa, B. (1961). *The theory of economic integration*. Routledge.
- Barzotto, M., Corradini, C., Fai, F. M., Labory, S., & Tomlinson, P. R. (2019). Enhancing innovative capabilities in lagging regions: an extra-regional collaborative approach to RIS3. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 12(2), 213–232. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsz003>
- Brandenburger, A. M., & Nalebuff, B. J. (1996). *Co-opetition*. Currency Doubleday.
- Capello, R. (2009). Regional growth and local development theories: Conceptual evolution over fifty years of regional science. *Géographie, Économie, Société*, 11(1), 9–21. <https://doi.org/10.3166/GES.11.9-21>
- De Backer, K., & Miroudot, S. (2013). Mapping Global Value Chains. *OECD Trade Policy Papers*, (159). OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/5k3v1trgnbr4-en>
- De Lombaerde, P. (2010). How to ‘connect’ micro-regions with macro-regions? A Note. *Perspectives on Federalism*, 2(3), 29–37. http://webarchive-2009-2021.on-federalism.eu/attachments/080_download.pdf (Date of access: 25.01.2025).
- Feng, Y., & Wang, Y. (2021). A literature review on the location determinants of FDI. *International Business Research*, 14(4), 126–134. <https://doi.org/10.5539/ibr.v14n4p126>
- Frick, S. A., & Rodríguez-Pose, A. (2023). What draws investment to special economic zones? Lessons from developing countries. *Regional Studies*, 57(11), 2136–2147. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2185218>
- Gómez-Mera, L. (2009). Domestic constraints on regional cooperation: explaining trade conflict in MERCOSUR. *Review of International Political Economy*, 16(5), 746–777. <https://doi.org/10.1080/09692290802454216>
- Gong, X. (2019). The Belt & Road Initiative and China’s influence in Southeast Asia. *The Pacific Review*, 32(4), 635–665. <https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513950>
- Gordon, I. R., & McCann, P. (2000). Industrial clusters: Complexes, agglomeration and/or social networks? *Urban Studies*, 37(3), 513–532. <https://doi.org/10.1080/0042098002096>
- Grossman, G., Helpman, E., & Lhuillier, H. (2021). Supply chain resilience: Should policy promote diversification or reshoring? *Working Paper*, (29330). Cambridge: National Bureau of Economic Research (NBER), 62. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w29330/w29330.pdf (accessed: 25.01.2025).
- Hutchinson, F. E., & Chong, T. (Eds.). (2016). The SIJORI cross-border region: *Transnational politics, economics, and culture*. ISEAS — Yusof Ishak Institute.
- Karachev, I. A. (2025). International advanced development territories as a tool for Russian-Chinese economic interaction. *Aktual’nye problemy razvitiya otraslevykh rynkov: natsional’nyi i regional’nyi uroven’: Sbornik statei IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 03 aprelya 2025 goda [Actual problems of development of industry markets: national and regional level: Collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 03, 2025]* (pp. 81–87). Voronezh, Russia: Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.)
- Liang, Y., Zeng, J., Kuik, C., Zhou, Z., & Zhou, K. (2021). Policy transfer and scale reconstruction of China’s overseas industrial parks: A case study of the Malaysia-China Kuantan Industrial Park. *Journal of Geographical Sciences*, 31(5), 733–746. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1868-2>
- Liu, W., & Yao, Q. (2021). Theorizing Belt and Road construction mode from institutional and cultural perspectives. *Journal of Geographical Sciences*, 31(5), 623–640. <https://doi.org/10.1007/s11442-021-1862-8>
- Meng, G., Wang, R., & Wang, S. (2023). A review of China’s overseas economic and trade cooperation zones along the Belt and Road: Progress and prospects. *Journal of Geographical Sciences*, 33(7), 1505–1526. <https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8>
- Nathan, M., & Overman, H. (2013). Agglomeration, clusters, and industrial policy. *Oxford Review of Economic Policy*, 29(2), 383–404. <https://doi.org/10.1093/oxrep/grt019>

- Quium, A. (2019). Transport corridors for wider Socio-Economic development. *Sustainability*, 11(19), 5248. <https://doi.org/10.3390/su11195248>
- Sapir, E. V., & Karachev, I. A. (2024). Assessing the feasibility of establishing special economic zones: Geo-economic mapping method. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*, 28(2), 6–22. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-2-6-22> (In Russ.)
- Tinbergen, J. (1965). *International economic integration*. Elsevier Publishing Company.
- Wade, R. (1990). *Governing the market: Economic theory and the role of the government in East Asian industrialization*. Princeton: Princeton University Press, 480.
- Warr, P. G. (1989). Export processing zones: The economics of enclave manufacturing. *The World Bank Research Observer*, 4(1), 65–88. <https://doi.org/10.1093/wbro/4.1.65>
- Ye'erken, W., Zhang, W., & Liu, Z. (2017). “Woguo zai ‘yidai yilu’ yanxian haiwai yuanqu jianshe moshi yanjiu” [Study on the construction model of China’s overseas parks along the Belt and Road]. *Zhongguo kexueyuan yuankan [Journal of the Chinese Academy of Sciences]*, 32(4), 355–362. <https://doi.org/10.16418/j.issn.1000-3045.2017.04.004> (In Chinese)

Информация об авторах

Сапир Елена Владимировна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики, ЯрГУ им. П. Г. Демидова; Scopus Author ID: 56529364900; <https://orcid.org/0000-0002-2754-0985> (Российская Федерация, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14; e-mail: evsapir@yahoo.com).

Карачев Игорь Андреевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и статистики, ЯрГУ им. П. Г. Демидова; Scopus Author ID: 57200079199; <https://orcid.org/0000-0001-9327-7022> (Российская Федерация, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14; e-mail: karachev2011@yandex.ru).

About the authors

Elena V. Sapir — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department, Department for World Economy and Statistics, P. G. Demidov Yaroslavl State University; Scopus Author ID: 56529364900; <https://orcid.org/0000-0002-2754-0985> (14, Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; e-mail: evsapir@yahoo.com).

Igor A. Karachev — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department for World Economy and Statistics, P. G. Demidov Yaroslavl State University; Scopus Author ID: 57200079199; <https://orcid.org/0000-0001-9327-7022> (14, Sovetskaya St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; e-mail: karachev2011@yandex.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 07.02.2025.

Прошла рецензирование: 08.04.2025.

Принято решение о публикации: 27.06.2025.

Received: 07 Feb 2025.

Reviewed: 08 Apr 2025.

Accepted: 27 Jun 2025.